

Б. А. Лавренев

Вторичное погребение Потемкина

Незадолго до своей кончины в 1959 году писатель Борис Андреевич Лавренев предоставил одному из столичных журналов небольшого объема рукопись под названием «Вторичное погребение Потемкина». Опубликована она не была и волей случая, по прошествии немалого времени, оказалась у нас в редакции. Представляем читателю этот очерк-рассказ — горькое и гневное слово об уничтожителе истории Отечества, о невежестве и глупости, принесших столько бед на поприще культуры, сохранения нашего духовного достояния.

* * *

В 1930 году я был вызван телеграммой матери к заболевшему отцу и попал в свой родной город Херсон, в котором не был пять лет.

Отец болел долго и мучительно. Настроение у меня было тяжелое. В те редкие моменты, когда отцу становилось легче, я бесцельно бродил по улицам, на которых прошли мое детство и юность.

Херсон, как известно, был основан Суворовым, как город, которому предназначалось стать местом строительства кораблей новорожденного Черноморского флота. И жизнь города началась с постройки доков и степеней и небольшой, но мощной по тем временам крепости Александершанц.

Впоследствии кораблестроительная верфь и доки были перенесены в соседний город Николаев на Южном Буге и Херсон утратил свое военно-морское значение. Крепость опустела, и к моему времени от нее остались лишь полуразвалившиеся валы и могучие крепостные ворота из дикого камня, да множество подземных ходов, проходящих через весь город и напоминающих одесские катакомбы. В русско-японскую войну мы, будучи гимназистами, играли на этих валах в войну до тех пор, пока взрывом заложенной «крепостной мины» из трех фунтов охотничьего пороха не был обожжен один из штурмующих «японцев». «Бойцы русской и японской армии» получили в четверти по тройке за поведение, и

«бои» прекратились сами собой. Жаль, что этим действенным способом нельзя прекращать настоящие войны.

Внутри крепости, по проекту знаменитого зодчего Старова, был построен военный гарнизонный собор. В его ограде погребены многие участники осады и штурма Очакова, а в самом соборе, под средним куполом, окруженная бронзовой решеткой, лежала мраморная плита с надписью: «Фельдмаршал, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический». В склепе под плитой покоился прах одного из «екатерининских орлов», чудака и самодура, но талантливого государственного деятеля и дипломата. В городе, однако, упорно держался слух, что после смерти Екатерины вступивший на престол Павел I, ненавидевший Потемкина, приказал выбросить его останки в Чертову балку, отделявшую город от военного форштадта.

В самом центре Херсона на Потемкинском бульваре стоял памятник Потемкину работы известного скульптора И. П. Мартоса, сходный с памятником Суворову на Марсовом поле в Ленинграде. Потемкин был изображен, как и Суворов, в одеянии полководца Древнего Рима, в латах и короткой тунике, с плащом на плечах, с украшенным перьями шлемом, лежащим у ног статуи.

После революции петлюровцы сбросили Потемкина с пьедестала, как угнетателя Запорожской Сечи. Статуя была увезена во двор археологического музея и много лет валялась там без призора, пока ее не утащили уже в Великую Отечественную войну немецко-фашистские бандиты.

Блуждая по Херсону, я забрел как-то в крепость. Еще издали увидел на прекрасном классическом фронтоне собора вылинявшую кумачовую тряпку, на которой кривыми буквами с подтеками было выведено: «Херсонский антирелигиозный музей». Я решил зайти посмотреть это учреждение. Первые же шаги внутри собора повергли меня в недоумение, которое сменилось нарастающим раздражением. За неимением скольких-нибудь серьезных экспонатов по стенам

были развешаны вырезанные из старых журналов репродукции картин мастеров итальянской и голландской школ, изображающие религиозные сюжеты. Тут были Сикстинская Мадонна, Голгофа, снятие с креста, воскресение, Христос у Марии и Марфы, Мария Магдалина, вознесение, сошествие святого духа на апостолов работы Тициана, Веронезе, Рубенса, Ван-Дейка и других художников. Под каждой репродукцией на неряшливых клочках бумаги были приклеены напечатанные лиловым шрифтом на машинке надписи совершенно идиотического содержания.

Я хотел уже уходить, но вдруг в глаза мне бросилась пирамидальной формы застекленная витрина, в которой лежал какой-то круглый коричневый предмет. Подойдя, я увидел, что это человеческий череп. Внизу витрины была приклеена табличка: «Череп полюбовника Катерины II Патьомкина». Я протер глаза, но видение не исчезло.

Череп оставался по-прежнему в витрине и глядел на меня пустыми впадинами. Я оглянулся и увидел вторую такую же витрину, но уже продолговатой формы. В ней лежал скелет с прилипшими местами клоками ссохшихся мускулов. Надпись гласила: «Кистки полюбовника Катерины II Патьомкина». Рядом, в третьей витрине, лежали остатки зеленого бархатного кафтана с потускневшими позументами, затем что-то неразличимое, в пятнах гнили, бывшее когда-то белыми атласными короткими штанами, такие же сгнившие чулки и туфли. «Шматки одягу полюбовника Катерины II Патьомкина», — прочел я, наклонясь к надписи.

Я поднялся в полном бешенстве. Вытащенный из склепа и разложенный на три экспоната Потемкин — это было уже нечто неслыханное по варварству и идиотизму.

Со мной был фотоаппарат. Я навел объектив на череп и сделал снимок. Но тут ко мне подбежал какой-то вахлак с багровым от пьянства носом и закричал, что «снимать суворо заброняется». Послав его к черту, я пошел разыскивать заведующего музеем, но по дороге наткнулся еще на одну витрину. В ней, в крепком и не пострадавшем от времени дубовом гробу, лежал хорошо сохранившийся, видимо, набальзамированный труп человека с окладистой рыжей в проседе бородой, одетый в длинный парчовый халат, подпоясанный вышитым поясом. На голове трупа был навит из тонкого шелкового тюля головной убор, похожий на чалму, с небольшой пряжкой из камней, в которую было воткнуто перышко цапли. Под витриной тоже была надпись, содержание которой пере-

даю на память на русском языке: «Здесь находится труп молдавского господаря князя Иосифа Россета. Продажное русское духовенство, соблазненное взяткой, разрешило похоронить мусульманина в ограде православного собора».

Я остолбенел. Молдавские господа испокон веков были православными. Лежащий передо мной труп был трупом отца известной приятельницы Жуковского и Пушкина Александры Осиповны Смирновой-Россет. Неведомые дикари, основавшие этот невероятный «музей», обнаружив на голове покойника похожий на чалму головной убор, решили свинцовыми мозгами, что это мусульманин, и выставили его с такой аттестацией себе на посмешище.

Я бурей влетел в правый придел собора, где, как мне сказал пьяный вахлак, находился кабинет заведующего. Там за столом сидел унылый, длиннолицый человек, тупо уставясь взглядом в окно.

Я обрушился на него, спрашивая, кто разрешил подобное издевательство над трупами, кто мог позволить сделать из Потемкина три экспоната, кто превратил православного Россета в поклонника Магомета, какое, наконец, отношение к борьбе с религией имеет эта чудовищная глупость? Ошарашенный человек с тем же унылым видом сказал мне, что он неделю тому назад назначен заведовать и сам не может понять, что происходит в подведомственном ему «музее».

Я выскочил из собора и помчался в ближайшее отделение связи. Там я составил огромную телеграмму в Наркомпрос с копией в Комитет по охране памятников искусства и старины, изложив все обнаруженное мною в музее.

Дней десять спустя, когда отец начал поправляться, я уехал в Ленинград. А вскоре получил письмо от одного из старых гимназических товарищей, который писал, что в один прекрасный день «музей» был закрыт, Потемкин снова собран воедино, положен в новый гроб, опущен в склеп и замурован с наложением на известку казенной печати, а Иосиф Россет обрел покой в своей старой могиле.

И от всей этой нелепой и дикой истории остался только лежащий у меня в коробке со старыми негативами снимок пирамидальной витрины с большим черепом и таблицей внизу: «Череп полюбовника Катерины II Патьомкина».

Так в 1930 году в городе Херсоне состоялось вторичное погребение бывшего экспоната «Херсонского антирелигиозного музея» — фельдмаршала, светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического.

Публикацию подготовил В. Ружина